

ТЕОЛОГИЯ

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МИХАИЛ ВИТАЛЬЕВИЧ ШКАРОВСКИЙ

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ГЛАВНЫЙ АРХИВИСТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (РОССИЯ, Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
SHKAROV@MAIL.RU

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию роли Псково-Печерского монастыря в годы Великой Отечественной войны, особое внимание уделено периоду немецкой оккупации (1941–1944). В работе анализируются сложные взаимоотношения монастыря с советской властью, эстонской администрацией и немецкими оккупантами. Рассмотрены ключевые события, такие как переход монастыря под управление митрополита Сергия (Воскресенского), благотворительная деятельность обители, помощь местным жителям, беженцам и советским военнопленным, а также вывоз монастырских ценностей в Германию. Особое внимание уделено личности наместника монастыря игумена Павла (Горшкова), который, несмотря на вынужденные контакты с оккупационными властями, стремился сохранить монастырь и его духовное наследие. В статье также освещены репрессии против насельников монастыря после освобождения Пскова советскими войсками, включая арест и осуждение игумена Павла.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Псково-Печерский монастырь, Великая Отечественная война, игумен Павел (Горшков), митрополит Сергий (Воскресенский), Русская Православная Церковь.

THEOLOGY

PSKOV CAVES MONASTERY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

MIKHAIL VITALIEVICH SHKAROVSKY

DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES, CHIEF ARCHIVIST OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF ST. PETERSBURG, PROFESSOR OF THE DEPARTMENT OF CHURCH HISTORY ST. PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY (RUSSIA, SAINT PETERSBURG)
SHKAROVS@MAIL.RU

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the role of the Pskov Caves Monastery during the Great Patriotic War, special attention is paid to the period of the German occupation (1941–1944). The paper analyzes the complex relationship of the monastery with the Soviet government, the Estonian administration and the German occupiers. Key events are considered, such as the monastery's transfer to the administration of Metropolitan Sergius (Voskresensky), the monastery's charitable activities, assistance to local residents, refugees and Soviet prisoners of war, as well as the export of monastic valuables to Germany. Special attention is paid to the personality of the monastery's vicar, Abbot Pavel (Gorshkov), who, despite the need for contacts with the occupation authorities, sought to preserve the monastery and its spiritual heritage. The article also highlights the repression against the monastery's inhabitants after the liberation of Pskov by Soviet troops, including the arrest and conviction of Abbot Pavel.

KEYWORDS: Pskov Caves Monastery, the Great Patriotic War, Abbot Pavel (Gorshkov), Metropolitan Sergius (Voskresensky), Russian Orthodox Church.

Годы Великой Отечественной войны стали по своему ярким, но в то же время драматическим периодом в истории древнего Псково-Печерского монастыря. В 1918–1940 годах он находился на территории независимой Эстонии и потому избежал закрытия, однако и тогда положение обители было нелегким. Эстонское правительство и глава местной Православной Церкви митрополит Александр (Паулюс)

пытались проводить политику эстонизации монастыря, что встречало сопротивление насельников. Из-за преследований властей настоятель обители епископ Печерский Иоанн (Булин) был вынужден на несколько лет покинуть Эстонию. Ко времени прихода советских войск летом 1940 года настоятелем монастыря являлся архиепископ Печерский Николай (Лейсман), эстонец по национальности. Сразу же после вхождения Эстонии в состав СССР насельники обители и прихожане монастырских храмов потребовали от него покинуть Печоры, выразив возмущение его прежней политикой эстонизации. В этих условиях архиепископ Николай ушел на покой и уехал на свой хутор в Перновском уезде [АУФСБ Псковской обл. Т. 2, л. 424].

В конце 1940 – начале 1941 года в Печорах была закрыта духовная семинария, а у монастыря реквизированы почти все земельные угодья. Настоятелем обители с января 1941 года стал экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский), а наместником в 1940 – первой половине 1941 года был игумен Парфений (Шаталин). Однако с началом Великой Отечественной войны ситуация изменилась. Престарелому игумену Парфению по состоянию здоровья было нелегко справляться со своими хозяйственными обязанностями, сильно осложнившимися из-за установления в Печорах германского оккупационного режима. Митрополит Сергей вскоре после прихода немцев был арестован, и его судьба некоторое время оставалась неясной. В этих условиях обязанности наместника с июля 1941 года стал исполнять иеромонах Павел (Горшков), осенью того же года избранный монастырской братией настоятелем. Это был известный своей общественной активностью и образованностью церковный деятель [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 594].

С приходом немцев именно на о. Павла легла тяжелая ноша вести от лица обители все переговоры с оккупационными властями, заступаться за братию, помогать голодным и больным местным жителям и советским военнопленным. Он использовал любую возможность, чтобы улучшить сложное положение обители. Позднее на судебном заседании 8 февраля 1945 года игумен сказал: «На оккупированной немцами территории я остался с целью сохранить монастырь» [АУФСБ Псковской обл. Т. 4, л. 707].

Хорошо охарактеризовал деятельность о. Павла в годы войны один из печерских иноков архимандрит Таврион (Балов): «В первый же год минувшей войны братия монастыря выбрала его своим наместником. И он, будучи уже в преклонном возрасте, принял на себя этот тяжелый крест. Благодаря избранной им деликатной, тонкой и умной линии поведения с оккупационным режимом сохранилась братия, сохранилась

обитель, сохранились и все ее святыни и ценности...» [Вместо славы ... 2003: 179].

8 июля германские войска захватили Печоры, а 9 июля – Псков. И уже через несколько дней о. Павел совершил молебен в псковском Троицком соборе и устроил в городе крестный ход. Провел он богослужение и в помещении бывшего подворья Псковского монастыря, переданного в советское время под больницу. В свой первый приезд и позднее, вплоть до января 1942 года, о. Павел вел переговоры с бургомистром Пскова В. М. Черепенкиным о возвращении обители ее псковского подворья, но безрезультатно. Германская администрация вернула монастырю большую часть его земельных угодий в Печорском уезде, однако при этом установила довольно высокие налоги. Будучи в прошлом эмигрантом, участником Белого движения и монархистом в душе, наместник имел мало оснований любить советскую власть и к приходу немцев, как и некоторые другие насельники, видимо, отнесся спокойно. Это отчасти объяснялось и тем, что с первых дней установления советской власти в Печорском районе монахи почувствовали крайне негативное отношение к себе.

Один из жителей Печор, Г. А. Печников, в 1950-е годы вспоминал: «О. Павел Горшков, как и другие верующие, любую власть воспринимал как данную Богом. Поэтому они не хотели идти на ссоры с властью: например, когда в 1940 году в город пришла советская власть, то в монастыре был вывешен портрет Сталина, а когда город оккупировали немцы, то и их монастырь воспринял доброжелательно, тем более что город был сдан Красной армией без боя, то есть для них просто произошла смена власти» [Вместо славы ... 2003: 184].

При этом наместник питал определенные иллюзии в отношении религиозной политики оккупационной администрации. Так, на судебном заседании 1945 года он заявил: «...Считал, что немцы пришли с желанием водворить у нас религиозное чувство. Я только потом узнал, сколько немцы разрушили и разграбили церквей и имущества граждан». Подобным образом о. Павел говорил и на допросе 6 ноября 1944 года: «...Когда мне стало известно, что немцы взрывают церкви и занимаются грабежом, я стал иначе смотреть на немцев – как на грабителей» [АУФСБ Псковской обл. Т. 4, л. 707].

С первых месяцев оккупации монастырь начал вести большую благотворительную работу и спас от голодной смерти сотни людей. Так, 19 августа 1941 года наместнику поступила записка из Псковской богадельни в Завеличье: «Отец Павел! Умоляю Вас, посетите богадельню, окажите милосердие несчастным, никому не нужным людям. Ведь

подумайте, от голода один выбросился из окна, вчера умер, а другие просят отравить их» [Вместо славы ... 2003: 179]. И вскоре из хранившихся в монастырских кладовых и собранных среди паломников и прихожан продуктов был составлен и отправлен в Псков обоз из четырех подвод. Оказывалась помощь и советским пленным военнослужащим. Так, 24 августа игумен Павел получил еще одну, на этот раз благодарственную записку: «Больные, раненные военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта № 134 в городе Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты – муку, хлеб, яйца и другие пожертвования» [Дедюхин 1990: 193–194].

Оказываемая помощь была довольно значительной по объему. Так, 26 августа 1941 года для больных, престарелых и военнопленных в Пскове было передано около 1800 кг хлеба, муки, крупы и сухарей. Вскоре больница в здании бывшего монастырского подворья получила 203 кг овощей и сухарей, и в монастырь поступила записка: «Дорогой отец Павел, Администрация больницы и больные преклоняются перед Вашей добротой и благодарят за оказанную нам помощь. Через Ваших посланцев примите наш поклон и передайте молящимся монастыря Печерского благодарность псковичей... Смотритель больницы Софийский» [Галаева 1989]. В дальнейшем больница получала продовольствие еще несколько раз: 15 и 29 сентября, 6 октября 1941 года и т.д. Однако помочь удавалось не всегда: оккупационные власти неоднократно не пропускали монастырские подводы в город. На некоторых прошениях к коменданту Печор с просьбой разрешить поездку в Псков написано: «Не разрешено» [Галаева 1989].

Помощь оказывалась не только псковичам, но и советским военнопленным в других населенных пунктах. Об этом сохранилось много свидетельств жителей Печорского района, записанных в 1950-е годы. Так, Н. Б. Рауман вспоминала: «...Дядя во второй половине 1941 года ездил по личным делам в Боровичи (это где-то за Псковом), а там был лагерь советских военнопленных. Дядя приехал и рассказал о. Павлу Горшкову, в каких нечеловеческих условиях живут военнопленные, и сказал ему, что пленным надо как-нибудь помочь. О. Павел сразу же поддержал дядю, заявив: “Ты, Николай, действуй, я тебе буду всячески помогать”. Через жителей близлежащих деревень, самого города удалось собрать значительное количество продуктов (сало, хлеб, овощи и др.) и отвезти в указанный лагерь. Большую помощь в сборе продуктов оказал сам о. Павел Горшков и другие работники монастыря, которые собирали продовольствие через прихожан. Были и другие факты оказания помощи со стороны монастыря пленным, престарелым

и больным людям. Я слышала, что пленным, содержащимся в лагере около ж. д. вокзала неоднократно доставлялось собранное с помощью монастыря продовольствие» [Вместо славы ... 2003: 184–186]. О передаче продуктов в лагеря военнопленных, находившиеся в самих Печорах и вблизи города, свидетельствуют также Е. В. Ринусова и Г. А. Печников, который описал характерный случай: «В 1941 году по просьбе Горшкова в монастырь на Успенский праздник привели большую группу военнопленных. Сам о. Павел Горшков помолился за них, причастил их просфорой. Потом за монастырем эстонские полицейские, конвоировавшие пленных, стали избивать их прикладами винтовок. При этом они орали: “Мы вам покажем причащение”. Потом я подошел к Горшкову и сказал ему: “Как же понимать, святой отец? Вы помолились за пленных, причастили их, и после этого пленных сразу же избили?” Отец Павел на это только развел руками» [Вместо славы ... 2003: 184–186].

Весь период оккупации, несмотря на трудности и препятствия, насельники монастыря старались неукоснительно выполнять свой христианский долг и помогать страдающим и обездоленным. По благословению о. Павла в приходах Печор и самой обители постоянно собирались для этой цели продукты и деньги. В докладной записке свечника-кружечника послушника А. Шведова от 12 января 1944 года, в частности, говорилось о передаче игумену 117,5 рейхсмарки, собранных за богослужением в храме монастыря на детей беженцев. Сохранились свидетельства о том, что в начале 1944 года под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь, о. Павел добился освобождения из немецкого лагеря более десятка заключенных [Вместо славы ... 2003: 177, 179]. Оказывая значительную благотворительную помощь, сами насельники обители, которых в годы войны было около 40 человек, терпели нужду. Посетивший монастырь в августе 1943 года протоиерей Николай Миронович позднее говорил на допросе: «У монахов я узнал, что им живется скудно, ходят они в грязных рваных одеждах, стол у них очень скромный» [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 581].

Сложным в первые месяцы войны было юрисдикционное положение Псково-Печерского монастыря. Под давлением сформированной немцами эстонской администрации большая часть приходов Печорского благочиния и обитель в конце лета 1941 года перешли в подчинение митрополита Александра (Паулюса), вновь объявившего себя главой автономной Эстонской Православной Церкви в юрисдикции Константинопольской патриархии. Протоиерей Николай Жунда 30 декабря 1944 года показал на допросе: «В связи с оккупацией немецкими

властями Прибалтики некоторые приходы, епископы и священники порвали связь с Московской патриархией, например б. митрополит Рижский Августин (Петерсон) и митрополит Таллинский Александр (Паулюс), последний увлек за собой и часть духовенства, среди уклонившихся были и монахи Печерского монастыря, наместником которого был Павел Горшков... лишь благодаря настойчивости благочинного Эмилия Верхоустинского, получившего инструкции от экзарха в октябре 1941 года, Печорское благочиние, а впоследствии и монастырь были возвращены в ведение экзарха митрополита Сергия» [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 630; Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 4, п.11, д. 2].

Протоиерей Э. Верхоустинский действительно в октябре 1941 года ездил в Ригу, встречался там с митрополитом Сергием (Воскресенским) и после возвращения в Печоры вернул почти все приходы своего благочиния в юрисдикцию Московской патриархии. При этом он действовал с полного согласия о. Павла (Горшкова), с которым дружил более 30 лет. Монастырь же перешел под управление митрополита Сергия в декабре 1941 года. В этом месяце экзарх издал указ, по которому игумена Парфения (Шаталина), возведенного в знак признания его заслуг в сан архимандрита, уже официально в качестве наместника сменил о. Павел, возведенный владыкой в сан игумена. Настоятельство митрополит Сергей оставил за собой. Хотя в монастыре проживало несколько насельников эстонской национальности, лишь один из них, иеромонах Лазарь (Сарв), оказался сторонником митрополита Александра (Паулюса) и покинул обитель.

Эстонская администрация еще более полугода старалась разными способами заставить монастырь и приходы Печорского благочиния порвать связь с Московской патриархией. Так, 9 июня 1942 года глава эстонского самоуправления Х. Мэе отправил указ наместнику монастыря: «Чтобы устранить всякое недопонимание, я сообщаю Вам, что Вы на основании существующих церковных законов подчиняетесь органам Эстонской Апостольской Православной Церкви. Эти законы определяют также Ваши права и обязанности. Вы не должны выполнять никаких распоряжений любой церковной власти, находящейся вне Эстонского генерал-комиссариата, или передавать свой доход каким-либо учреждениям вне границ Эстонского генерал-комиссариата. В случае если Вы нарушите существующие в законах правила, Вы будете привлечены к ответственности по всей строгости закона» [Bundesarchiv Berlin. R. 90/128, bl. 7492]. Однако распоряжение не было выполнено. 19 июня 1942 года подавляющее большинство священников Печорского

благочиния официально отреклись от митрополита Александра, который был назван схизматиком. Эту позицию полностью разделяли и насельники монастыря.

Многие представители германской администрации не доверяли экзарху Сергию и различными путями пытались получить о нем компрометирующую информацию. На судебном заседании 8 февраля 1945 года о. Павел говорил: «В немецкую полицию я вызывался по поводу Владыки Сергия о его политическом настроении. Я считал это несерьезным, немец кричал на меня, грозил мне, продержал на допросе меня несколько часов». Никаких «изобличающих» сведений об экзархе игумен не дал [АУФСБ Псковской обл. Т. 4, л. 708].

Контроль за деятельностью митрополита Сергия и его контактах с Псково-Печерским монастырем осуществлялся вплоть до убийства экзарха в апреле 1944 года (предположительно нацистами). В январе 1942 года в Печоры был командирован из Тарту для наблюдения за митрополитом начальник информационного отдела эстонской политической полиции Пяясуке, так как экзарх как настоятель периодически посещал обитель. В своих показаниях 16 декабря 1944 года Э. Грюнверк привела пример сообщенного ею эстонским властям указа митрополита Сергия: «...Летом 1943 года экзарх Сергей прислал циркуляр в монастырь, где было указано, что Печерский монастырь не должен терять канонической связи с духовенством Москвы и придерживаться всем законам Русской православной церкви, и здесь же Сергей крепко ругал эстонских, литовских и латвийских священников, называя их раскольниками». В свою очередь, игумен Павел на допросе говорил: «Немецкие власти подозревали Сергия, что он советский агент, и всегда, когда Сергей приезжал в монастырь, то немецкая полиция посылала в Печерский монастырь своих тайных агентов, которые наблюдали за Сергием» [АУФСБ Псковской обл. Т. 1, л. 49].

Экзарх приезжал в обитель на относительно длительный срок трижды: летом 1942 года, затем в мае и августе 1943 года. В первый свой приезд митрополит рукоположил двух монахов в сан иеродиакона и наградил казначея иеромонаха Серафима (Розенберга) золотым наперсным крестом. Второй приезд был отчасти связан с проблемой генерала А. Власова и его движения, а третий – с проведением архиерейского совещания в монастыре 29–30 августа 1943 года. Накануне совещания экзарх назначил наместником обители вместо игумена Павла члена Управления Псковской миссии протоиерея Николая Мироновича, и тот приехал в монастырь 26 августа. На следующий день прибыли митрополит Сергей, епископы Рижский Иоанн, Ковенский Даниил,

Нарвский Павел и начальник канцелярии экзархата И. Grimm. После личной беседы с игуменом Павлом экзарх оставил его наместником, и о. Н. Миронович 31 августа покинул монастырь. 28 августа, в праздник Успения, состоялось торжественное богослужение, которое совершили прибывшие архиереи и священники. После богослужения в монастырской трапезной была общая трапеза.

Присутствовавшая на трапезе жительница Печор Н. Б. Рауман позднее вспоминала: «Во время обеда провозглашали тосты за гостей, выступил митрополит Сергей, но я не помню, чтобы о. Павел Горшков делал речь на этом обеде» [Вместо славы ... 2003: 185–186]. По свидетельству же Г. А. Печникова, «игумен Павел (Горшков) был близок с митр. Сергием, прибалтийским экзархом, которого также обвиняли за связь с немцами. Я сам лично был однажды в церкви на его проповеди. И хочу сказать, что его проповедь была патриотичной. Он говорил, что для нашего народа настали трудные времена, что надо все вытерпеть, что обязательно настанут лучшие дни и т.п.». Само архиерейское совещание с участием некоторых благочинных Эстонии и профессора И. Гримма было посвящено исключительно внутрицерковным делам экзархата [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 581, 601; Вместо славы ... 2003: 185–186].

28 апреля 1944 года митрополит Сергей (Воскресенский) был убит, но в его похоронах игумен не участвовал. Причину этого указала (возможно, в искаженной форме) на допросе 22 января 1945 года работница монастыря Т. А. Хитрова: «...Немцы убили экзарха Сергия летом 1944 года, вместе с ним 8 человек советских граждан, которые могли бы уличить немцев в том, что это они сделали. Горшков хотел поехать на похороны экзарха Сергия, но Грюнверк Эльза его не пустила, и он не поехал. Так, летом 1944 года, когда я пришла к Грюнверк, ей сказала: “Просил отец Павел передать, чтобы вы приготовили ему еду на дорогу, он едет в Ригу на похороны экзарха Сергия”. Грюнверк мне сказала: “Я не пущу Горшкова ехать в Ригу на похороны Сергия. Сергей – это московский коммунист, и незачем ехать его хоронить”» [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 594; т. 1, л. 64].

С 29 апреля по июнь 1944 года настоятелем Псково-Печерского монастыря считался вступивший в должность заместителя экзарха архиепископ Ковенский Даниил (Юзвюк), а в июне на своем собрании монахи выбрали настоятелем игумена Павла.

В период оккупации монастырь являлся религиозным, духовным центром не только Печорского края, но и соседних русских земель. В 1942 году была возобновлена древняя традиция крестного хода на

Успение из Пскова в обитель. Протоиерей Константин Шаховской организовал многодневный крестный ход из Пскова в монастырь и обратно. При обители издавались духовные листки со статьями, поучениями для прихожан. Их редактором игумен Павел назначил своего духовного сына протоиерея Э. Верхоустинского, имевшего высшее богословское образование. В книжном киоске монастыря с осени 1941 по лето 1944 года продавались журнал «Православный христианин» и церковные календари Псковской миссии. О. Павел также раздавал их прихожанам бесплатно и возил в лагерь для людей, принудительно работавших на строительстве оборонительных сооружений. В мастерской обители изготавливали церковную утварь, переплетали духовную литературу и др. В период войны в Псково-Печерском монастыре постепенно собирались уцелевшие в 1930-е годы насельники других закрытых и частично уничтоженных северных обителей. Больше всего пришло бывших монахов Макариевской пустыни: схиепископ Макарий (Васильев), его келейник иеродиакон Вукол, архимандрит Феодосий, иеромонахи Агапий и Феодосий. 29 ноября 1943 года в братию обители приняли бывшего насельника Черемнецкого монастыря иеромонаха Лина (Никифорова) и т.д. Игумен Павел совершал монашеские постриги, в том числе тайные; так, в начале 1944 года он постриг в монахини бывшую псковскую помещицу С. В. Комстадиус [В Псково-Печерском монастыре 2001: 6, 11; Попов 2001: 68].

Германская оккупационная администрация внешне лояльно относилась к Псково-Печерскому монастырю, но реального содействия ему не оказывала, а порой даже проявляла скрытую враждебность. О. Павел на судебном заседании 8 февраля 1945 года отметил: «Немцы обещали помощь с ремонтом монастыря, но ничего не сделали». Обитель была вынуждена платить высокие налоги, и 31 декабря 1942 года игумен обратился к генерал-комиссару Эстонии с письменным ходатайством «аннулировать нормы и налоги на монастырь от города, волости и от податного инспектора», так как очень нужны деньги на ремонт. Однако в этой просьбе было отказано. Игумену лишь удалось добиться выделения с сентября 1942 года для работ в обители заключенных из Печорского лагеря, а с весны 1943 года – и из местной тюрьмы, освободив в конечном итоге под этим предлогом не один десяток человек [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 707; т. 2, л. 356, 425; т. 1, л. 49].

В качестве наместника монастыря о. Павлу приходилось постоянно общаться как с представителями местной германской администрации, так и с более высокими чинами. Осматривать монастырские древности приезжали даже фельдмаршал фон Лееб и министр финансов. Как правило,

это общение не выходило за рамки вынужденных контактов. Согласно свидетельству Н. Б. Рауман, «о. П. Горшков был человек аполитичный и к любой власти относился уважительно. Каких-либо резких высказываний против Советской власти с его стороны я не слышала. В годы войны в своих суждениях он также проявлял сдержанность. С представителями немецкого командования он, естественно, общался как представитель администрации монастыря, несколько раз он встречался с комиссаром города Бомбе, а потом Бекингом, существуют и фотографии, свидетельствующие об этом и на основании которых его потом обвинили в пособничестве оккупантам» [Вместо славы ... 2003: 186].

При этом, желая улучшить тяжелое материальное положение обители, а возможно, и скрыть тайную патриотическую деятельность в монастыре, игумен Павел совершил несколько демонстративных актов выражения лояльности германской администрации. 19 января 1942 года он пригласил коменданта города Печоры на елку в монастырь, 22 июня того же года по указанию экзарха совершил молебен о даровании «окончательной победы над богопротивным большевизмом», а в апреле 1942 года послал в Берлин в подарок альбом с видами монастыря, за что получил письменную благодарность от гебитскомиссара Пскова. Конечно, будучи в душе сторонником восстановления Великой России с монархом во главе (о чем писала в годы войны Э. Грюнверк митрополиту Александру), о. Павел не мог сочувствовать фашистскому нашествию. Несколько иначе он, видимо, относился к власовскому движению, считая его частью русской армии. Летом 1943 года А. Власов приехал со своим штабом осмотреть Псково-Печерский монастырь. Генерал зашел и в келью игумена, и тот приветствовал Власова, благословил его и дал иконку. На допросе 23 декабря 1944 года игумен показал: «Власов мне говорил, что хочет создать свободную Россию, без большевиков, и я, как враг большевиков, благословил его на этот поход» [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 708].

Какой-либо практической помощи оккупантам о. Павел не оказывал. Об этом позднее свидетельствовали все опрошенные жители Печор. Так, Г. А. Печников говорил: «Фактами антисоветской деятельности Горшкова я не располагаю. Не слышал я никогда и о том, что кто-либо из монастырских выдал немцам наших патриотов. Наоборот, мне известен случай в 1943 году, когда один из монахов прятал в монастыре партизана Ринусова». Е. В. Ринусова тогда же показала: «За что его [о. Павла] осудили, я не знаю, но могу однозначно сказать, что никаких дел с оккупантами или “Омакайтсе” он не имел и полицейским не являлся. И вообще, никто из местных жителей русской национальности

в полиции не работал». Более того, существуют свидетельства, что игумен лично некоторое время прятал трех красноармейцев, бежавших из лагерного пункта № 134 [Вместо славы ... 2003: 182, 184, 185].

Согласно другим источникам, о. Павел имел тайную связь с партизанами и через жительницу Пскова, горячую ревнительницу монастыря А. И. Рубцову переправлял им продовольствие. Рубцова была арестована нацистами в 1943 году и расстреляна. На допросах она держалась с удивительной стойкостью и не выдала наместника. В литературе можно также встретить утверждения, что, по свидетельству жителей Печор, игумен прятал в помещении монастыря рацию, по которой передавались через линию фронта сведения о фашистах, собранные иеромонахами в приходах [Дедюхин 1990: 195; Левитин 1966: 53–54].

Однако в последнем утверждении реально существовавшие факты предстали в искаженном виде. В действительности речь шла о тайной операции советской разведки «Послушники», результаты которой докладывались лично Сталину. Один из бывших руководителей НКВД П. А. Судоплатов позднее вспоминал: «Операция “Послушники” проводилась под прикрытием как бы существовавшего в Куйбышеве антисоветского религиозного подполья, поддерживаемого русской православной церковью в Москве. По легенде возглавлял это подполье епископ Ратмиров. <...> От его имени мы направили их [офицеров НКВД] из Куйбышева под видом послушников в Псковский монастырь... <...> ...два наших офицера–“послушника” развернули в монастыре кипучую деятельность. Среди церковных служителей было немало агентов НКВД, что облегчало их работу. <...> По приказу Сталина епископ Ратмиров после войны был награжден золотыми часами и медалью. Непосредственно руководившие его работой и находившиеся вместе с ним в немецком тылу под видом священнослужителей наши офицеры Иванов и Михеев получили боевые ордена» [Судоплатов 1997: 251–253]. Таким образом, видно, что «сведения о фашистах» из монастыря по радиации передавали не монахи, а действовавшие под видом послушников разведчики. При этом они не были разоблачены нацистами и работали до прихода советских войск.

В целом свидетельств о патриотической деятельности насельников Псково-Печерского монастыря очень много. Например, иеродиакон Питирим (Олупков), когда немцы арестовали несколько местных молодых ребят как комсомольцев и хотели их расстрелять, поручился перед офицером за подростков и спас им жизнь. В обители в годы войны проживал протоиерей Николай Николаев (позднее принявший монашеский постриг с именем Никандр), по профессии врач-хирург. За

ним много раз приезжали партизаны и с завязанными глазами привозили в свой лагерь, где о. Николай проводил операции. В 1989 году на праздничной встрече ветеранов войны жительница Печор Т. А. Фирсанова рассказала о том, что в «куполах Успенского собора монахи прятали советских солдат», а бывший фронтовой разведчик С. Я. Николаев свидетельствовал, что весной 1944 года его и четырех товарищей из возвращавшейся с задания разведгруппы несколько дней укрывал в пещерах иеросхимонах Симеон. Целый ряд насельников обители: иеродиакон Александр (Уйбо-Пуу), монах Анастасий, послушники И. Богданов, В. Соколов, М. Александров, Иванов – открыто выражали в период оккупации свои симпатии к советской армии, и никто не донес на них нацистам. Игумен несколько раз ходатайствовал перед префектом немецкой полиции об освобождении арестованных жителей Печор – например, весной 1944 года он просил за Дмитрия, мужа регента церковного хора М. А. Широковой. Работница монастыря Т. Хитрова на допросе 1 ноября 1944 года говорила, что, когда священник Иоанн Иванов и псаломщик И. Т. Терентьев, как и многие жители Пскова, в июне 1944 года оказались в лагере за колючей проволокой, она по поручению о. Павла ходила к коменданту Печор ходатайствовать об их освобождении, но безрезультатно [В Псково-Печерском монастыре 2001: 154; Галаева 1989; АУФСБ Псковской обл. Т. 1, л. 49–50; т. 2, л. 271].

В начале 1944 года фронт приблизился к монастырю, и перед насельниками встал вопрос о возможной эвакуации. 18 марта немцы вывезли бесценную монастырскую ризницу. Она была опечатана еще летом 1940 года представителями советской власти, но при быстром отступлении в 1941 году про ризницу не вспомнили. Оккупировавшие Печоры немцы тут же вновь ее опечатали.

При вывозе ризницы из обители в 1944 году о. Павлу было сообщено, что ценности вывозят не в Германию, а в другой православный монастырь в Риге – якобы для их безопасности, поскольку обитель к тому времени уже несколько раз подвергалась советским бомбардировкам. И действительно, там сокровища ризницы были приняты по акту представителями местной церковной власти, но в присутствии и под контролем оккупантов. А уже из Риги ценности переправили в Германию. Сам о. Павел при этом был, по существу, просто свидетелем, бессильным что-либо предпринять. О тяжелых переживаниях, связанных с этими событиями, можно догадаться из его письма к гебитскомиссару Бекингу, главе печорской оккупационной администрации, которому игумен писал в те дни: «Не найду себе места и покоя ни днем, ни ночью.

В ушах все время одни и те же слова: пять столетий хранила братия сокровища, а ты, Павел Горшков, позволил увезти их из монастыря. Я надеюсь на ваше доброе сердце, что вы не обречете мое имя на злословия после смерти... Пожалуйста, дайте бумагу, в которой говорится, что все сокровища Печерский монастырь от германского командования получит по первому требованию. Такое удостоверение мне необходимо; ведь неизвестно, когда кончится война, а игумен Павел Горшков может умереть завтра. И я не хочу, чтобы после моей смерти монах-проводник по пещерам всем посетителям, показывая на мой гроб, говорил: “Здесь похоронен Павел Горшков, который отдал все сокровища монастыря, что хранила до него братия пятьсот лет”» [У пещер ... 1999: 308].

Гебитскомиссар написал расписку, что после окончания войны все ценности ризницы, которые о. Павел оценил в 5 млн рублей, вернут в монастырь, и игумен вынужденно дал свое согласие на вывоз. Н. Б. Рауман об этом вспоминала так: «Из разговоров, происходящих в нашем доме, мне известно, что о. Павел (Горшков) сколько мог оттягивал с передачей немцам ценностей ризницы. Но однажды (точную дату я не помню) на город был большой налет советской авиации. Вначале несколько самолетов дымовыми бомбами обозначили район бомбометания, в который вошел и монастырь, а затем сбросили очень много бомб. Несколько штук их упало на территории монастыря, в городе погибло несколько человек мирных жителей. После этого под предлогом сохранения ценностей немцы вывезли их, и предотвратить вывоз не было возможности». Г. А. Печников также говорил, что ценности были бы вывезены в любом случае, и если бы о. Павел не подчинился требованиям немцев, они бы сделали это силой. На суде игумен признал себя виновным в том, «что не сумел задержать отправку в Германию сокровищ ризницы», но реально он вряд ли смог бы это сделать [Вместо славы ... 2003: 185, 186].

Осенью 1944 года сокровища ризницы вывезли на корабле из Риги в Киль, и на несколько десятилетий их следы затерялись. Только в 1973 году благодаря активным поискам, предпринятым наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Алипием (Вороновым), ценности обители были найдены в запасниках музея икон западногерманского города Реклингхаузена. В мае 1973 года 12 ящиков с 620 предметами 1500–1910 годов были перевезены в Ленинград и затем возвращены монастырю [Агафангел 1974].

Вскоре после вывоза ризницы, 30–31 марта, была проведена самая жестокая бомбардировка Печор советской авиацией. Пострадали и монастырские здания, особенно Михайловский храм, братский

корпус и трапезная. При этом проживавший в здании трапезной схи-епископ Макарий был убит осколком бомбы, а его келейник иеродиакон Вукол тяжело контужен. Позднее снарядами оказалась разбита Никольская колокольня. В этих условиях игумен Павел стал принимать попытки эвакуировать монастырь к архиепископу Николаю (Лейсману) в Килинш Нымме Перновского уезда. По этому поводу с июня до начала августа 1944 года состоялось три совещания монахов, на которых подавляющее большинство братии, несмотря на бомбежки и артиллерийские обстрелы, категорически отказалось уезжать. В конце концов желающим этого монахам и в виде исключения трем их родственникам и двум работникам было разрешено остаться. Всех остальных работников немцы принудительно угнали в тыл. К этому времени в обители проживали 54 насельника, в том числе один архимандрит, один игумен, восемь иеромонахов, один архидиакон, три иеродиакона, четыре монаха и семь послушников [ЦГА СПб. Ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 75].

4 августа, когда фронт подошел вплотную к монастырю, в обитель прибыли грузовики для эвакуации имущества, церковных святынь и братии. Однако эвакуация не состоялась: ей помешало сопротивление насельников [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 755–756.]. Представители германской администрации Печор предлагали игумену персональную эвакуацию на автомобиле, но он решил остаться с братией.

11 августа 1944 года советские войска освободили Печоры. Отступая, нацисты заложили под Успенский храм, трапезную, ризницу и некоторые другие монастырские здания взрывчатку. Ее вовремя обезвредили солдаты-саперы. Насельники обители радостно встретили освободителей. В красноармейской газете «Вперед, за Родину!» от 12 августа сообщалось: «В Псково-Печерском монастыре звонят колокола в честь Красной Армии. Духовенство служит молебен. Настоятель монастыря дарит нашим бойцам цветы». Вскоре после освобождения города о. Павла даже избрали членом местной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков [Вперед, за Родину!].

Эти события и последовавший за ними арест некоторых насельников обители описаны в так называемом свидетельствовании Т. А. Хитровой от 4 апреля 1968 года: «...При отступлении в 1944 году немцы нас погнали в эстонский лагерь за Петсери. Здесь я, как и многие, однажды увидела о. Павла Горшкова, который ходатайствовал о нашем возвращении под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь. Нас было более десяти человек, которым посчастливилось вырваться из кровавых рук фашистов. Мы с любовью вспоминаем о. Павла. Я и еще трое

из нашей группы остались в монастыре и трудились на разных послушаниях... Вскоре за этой радостью пришла другая радость: Печоры были освобождены нашей Красной армией. На третий день о. Павел выступал на митинге перед печорской общественностью. По окончании речи ему бурно аплодировали и выразили благодарность местные советы и, конечно, народ, и вдруг в конце недели монастырь посетил следователь, который потребовал от о. Павла список, кто с ним работал. Он всех переписал и ушел. Через несколько дней я была вызвана и посажена в Печорскую тюрьму, а оттуда этапом нас отправили в Ленинград» [АУФСБ Псковской обл. Т. 4, л. 71].

Т. А. Хитрова была арестована 26 октября 1944 года, хотя, согласно ее заявлению генеральному прокурору СССР от 29 января 1957 года, она помогала партизанам и советской армии (о чем имела соответствующий документ) и отчасти поэтому сами Печоры были взяты без боя и разрушений. Кроме Хитровой из насельников и работников обители арестовали еще четырех человек: 23 октября – игумена Павла, 25 октября – иеромонаха Лина (Никифорова) и монастырского кучера Е. П. Петрова, 8 декабря – заведующую художественной мастерской Э. А. Грюнверк. В связи с кампанией репрессий священников, служивших в период оккупации, арест игумена Павла был неизбежен. Тем более что некоторые его действия уже после освобождения Печор вызвали раздражение властей. О. Павел продолжал распространять напечатанные во время оккупации духовные листки, посылал в деревни иеромонахов с иконой для богослужений, пытался противодействовать отмене в сентябре 1944 года преподавания Закона Божия в школах Печорского района [АУФСБ Псковской обл. Т. 2, л. 302; т. 3, л. 755, 768].

Судебное заседание военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа состоялось 7–8 февраля 1945 года. Оно было закрытым, без участия защиты и без вызова свидетелей. На суде о. Павел заявил: «Я всю жизнь любил свою родину и служил ей верой и правдой». Он отказался от многих своих предыдущих показаний на допросах, отрицал, что произносил антисоветские проповеди, остался шпионить в пользу немцев и т.п. Хотя сфабрикованность дела была очевидной, приговор военного трибунала оказался суров: о. Павел, иеромонах Лин и Е. Петров получили по 15 лет лишения свободы, а Т. Хитрова и Э. Грюнверк – по 10 [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 706–714].

В устном рассказе архимандриту Алипию (Воронову) в 1960-е годы Т. Хитрова так говорила о допросах и суде: «Следовательно... на допросах кричал, пугал и угрожал, что пустит пулю в рот, колотил

и отца Павла, и меня. Как хватит в грудь, так изо рта и из носа кровь идет, и весь пол был кровью залит. Один раз, когда он меня ударил, я рассердилась, схватила стул, который не был привинчен, и ударила его стулом, а чернилами залила ему морду. На шум прибежали, и я потребовала прокурора. Пришел прокурор, без ноги, бывший командир партизанского отряда. Стал добиваться от Жуля слова, а тот и говорить не может, так он напугался. Потом пришел в себя. Ему прокурор и говорит: “Ты вот 25 человек почти убил, а вот нашелся человек и на тебя”... Допросы шли месяцев шесть до суда. Суд был три дня, а свидетелей и защитников не было. С обвинительным листом не знакомили, а заставили силой подписать... Отца Павла допрашивали одного, но я знаю, что тот следователь, который бил меня, бил и о. Павла». Лагерный срок пережили только Грюнверк и Хитрова. Последняя в своих заявлениях генеральному прокурору и министру юстиции в 1950–1957 годах писала, что следователь заставил ее подписать протокол, угрожая расстрелом. Сестра, сын и дочь Хитровой являлись комсомольцами и за участие в партизанском движении были замучены фашистами, саму ее «немцы таскали по тюрьмам за связь с партизанами» [Пузанов 1995].

Из дела игумена Павла были выделены в отдельное производство материалы еще на 56 человек, в том числе на многих насельников Псково-Печерского монастыря. Но никто из них больше арестован не был. Сыграло свою роль изменение советской церковной политики и нежелание в связи с этим органов госбезопасности излишне обострять отношения с Московской патриархией, руководство которой в 1945 году уже знало, что обвинения монахов в «предательстве Родины» полностью голословны. Сам о. Павел скончался 6 июля 1950 года в Братском лагере близ станции Тайшет Иркутской области. Все осужденные по его делу были реабилитированы 12 марта 1997 года [АУФСБ Псковской обл. Т. 3, л. 736–761; т. 4, л. 8–9].

Таким образом, братия Псково-Печерского монастыря в период немецкой оккупации в целом занимала патриотическую позицию, оказывала значительную благотворительную помощь нуждавшимся местным жителям, псковичам, беженцам и советским военнопленным. При этом некоторые насельники обители, в том числе ее наместник, подверглись необоснованным репрессиям после прихода советских войск. Однако Псково-Печерский монастырь выстоял в период суровых испытаний и продолжил свое существование, оставаясь единственной действующей обителью на территории РСФСР еще около 40 лет.

ИСТОЧНИКИ

- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области (АУФСБ Псковской обл). Д. А-21132.
Вперед, за Родину! 1944. 12 августа.
Галаева С. Нести добро людям // Печорская правда. 1989. 2 сентября.
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 75.
Bundesarchiv Berlin, R. 90/128, bl. 7492.
-

ЛИТЕРАТУРА

- Агафангел, иеромонах. Возвращенные ценности // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 1. С. 13–14.
В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников). М., 2001. С. 6, 11.
Вместо славы потерпел поношение // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. Вып. 28–29. С. 179.
Дедюхин Б. В. Сердца сокрушенные. Саратов, 1990. С. 193–194.
Левитин А. Защита веры в СССР. Париж, 1966. С. 53–54.
Попов В. Памяти отца Константина Шаховского // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 9. С. 68.
Пузанов А. И. Жертвы произвола // Новости Пскова. 1995. 4 февраля.
Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы. М., 1997. С. 251–253.
У пещер «Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М., 1999. С. 308.
-

REFERENCES

- Agafangel, hieromonk. [Restored values]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate]. 1974, no. 1, pp. 13–14. (In Russ.)
Dedyukhin B. V. Serdtsa sokrushennye [Contrite Hearts]. Saratov, 1990, pp. 193–194. (In Russ.)
Levitin A. Zashchita very v SSSR [Defense of Faith in the USSR]. Paris, 1966, pp. 53–54. (In Russ.)
Popov V. [In memory of Father Konstantin Shakhovskoy]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate]. 2001, no. 9, p. 68. (In Russ.)
[Instead of glory, he endured reproach]. Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti [St. Petersburg Diocesan Gazette]. 2003, iss. 28–29, p. 179. (In Russ.)

- Puzanov A. I. [Victims of arbitrariness]. *Novosti Pskova* [Pskov News]. 1995, February 4. (In Russ.)
- Sudoplatov P. A. *Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950 gody* [Special Operations: The Lubyanka and the Kremlin 1930–1950]. Moscow, 1997, pp. 251–253. (In Russ.)
- U peshcher “Bogom zdannykh”. *Pskovo-Pecherskie podvizhniki blagochestiya XX veka* [At the “God-Created Caves.” Pskov-Pechersk Ascetics of Piety of the 20th Century]. Moscow, 1999, p. 308. (In Russ.)
- V Pskovo-Pecherskom monastyre (Vospominaniya nasel'nikov) [In the Pskov-Pechersk Monastery (Memoirs of the Inhabitants)]. Moscow, 2001, pp. 6, 11. (In Russ.)